

— Ты действительно не обязан отчитываться перед хозяевами дома и отказываешься от диалога, так что мне остается судить лишь по тому, что я видел собственными глазами. — Он сделал шаг вперед. — Ты связываешься с подозрительными личностями. Эта Ин Сяоцун... она знает капитана уголовного розыска, у нее есть судимость, верно?

Лян Чэн слегка приподнял подбородок и произнес:

— Ты стал гораздо сообразительнее, чем во времена изучения биологии.

— Значит, я угадал? — продолжил Цяо Юаньлинь. — Ты якшаешься с бывшими уголовниками, дерешься и даже похищаешь людей ради выкупа, раз уж дело дошло до полицейского участка.

— Ты думал, я без конца расспрашиваю, кто ты такой, потому что ты красавчик? Да обычные люди просто не занимаются подобными вещами!

— Еще на пароме я говорил, что ты не подходишь для аренды дома моей бабушки. Но ты был ранен, поэтому я не стал выставлять тебя вон.

— А теперь твоя рана затянулась, но добавился новый шрам. Не доказывают ли все эти старые шрамы, что за твоими плечами тоже куча преступлений?

Выпалив все это на одном дыхании, Цяо Юаньлинь почувствовал страшную усталость и жажду. Его голос резко упал:

— Съезжай отсюда. Найди другое жилье или возвращайся домой.

Лицо Лян Чэна все это время оставалось бесстрастным, но теперь его брови дрогнули:

— Домой?

— Ты ведь местный, твой дом должен быть в Пинхае, — сказал Цяо Юаньлинь. — Семья, родственники... Хоть кто-то у тебя должен быть.

Лян Чэн ответил:

— Ни единой души.

Цяо Юаньлинь запнулся:

— Я не знаю, почему так вышло и что привело тебя к такой жизни. Мне искренне жаль, но я не могу разделить с тобой эти трудности.

Лян Чэн повторил:

— Разделить?

— Наверное, точнее будет сказать «втянуть в неприятности», — произнес Цяо Юаньлинь. — Думаешь, если ты машешь кулаками на улице, а кто-то решит отомстить тебе и заявится на порог, пожилая женщина, живущая с тобой под одной крышей, останется в безопасности?

Все слова были сказаны. Стемнело окончательно. Цяо Юаньлинь шагнул в мягкий круг света от настольной лампы, оказавшись совсем близко к Лян Чэну.

Линь Чэнби учила его, что в любом деле должна быть четкая последовательность:

планирование — сбор зацепок о Лян Чэне; действие — проверка и слежка; проверка результатов — установление окончательного исхода.

И вот настал последний шаг: урегулирование.

Цяо Юаньлинь повернулся и посмотрел на тени на стене — одну высокую, другую пониже, с размытыми, мягкими контурами. Он заговорил тише:

— Спасибо, что помогал мне с поручениями, заботился во время болезни и провожал на учебу... Аренду и залог я верну полностью. Пожалуйста, уезжай.

Лян Чэн опустил руки и спросил:

— А если я не захочу?

— Тогда мне придется... — Цяо Юаньлинь осекся.

Лян Чэн усмехнулся:

— Придется позвонить маме? Малыш, твое секретное оружие — позвать родителей?

Этот смешок и презрительное «малыш» уничтожили последние сомнения Цяо Юаньлиня. Он язвительно парировал:

— По крайней мере, у меня есть родители, которым можно позвонить.

— Прямо зависть берет, — в глазах Лян Чэна сквозила насмешка. — Позвонить так, что даже не успеваешь сказать ничего важного, а когда бросают трубку, тебе остается только хныкать на крыше.

Цяо Юаньлиня задела за живое:

— Сам ты, блядь, хныкал!

Он бросился вперед, вцепившись обеими руками в воротник Лян Чэна на груди:

— Я пощадил твое самолюбие! Иначе в прошлый раз все закончилось бы еще в сычуаньском ресторанчике, а когда в следующий раз к тебе нагрянет полиция — посмотрю я, как ты будешь выпендриваться!

Лян Чэн перехватил его запястья, его лицо мгновенно обледенело:

— Снова следил за мной?

Цяо Юаньлинь поморщился от боли и попытался вырваться, но продолжал мертвой хваткой цепляться за воротник Лян Чэна. В завязавшейся потасовке они налетели на письменный стол, тот покачнулся, и стоявшая на краю недопитая чашка с водой полетела вниз, с грохотом разлетевшись на осколки.

Среди брызг воды Лян Чэн подсечкой повалил Цяо Юаньлиня, швырнул его на кровать и, нависнув сверху, сдавил его горло одной рукой.

Гладкая простыня смялась складками. Цяо Юаньлинь ударил Лян Чэна кулаком в угол рта. Широко распахнув глаза и приоткрыв рот, он отчаянно пытался разжать чужие пальцы,

оставляя ногтями глубокие царапины на предплечье Лян Чэна.

— Кх... Мх!..

Лян Чэн всматривался в искаженное болью лицо Цяо Юаньлиня.

Шея под его ладонью была тонкой и мягкой, а сонная артерия билась прямо о продольную линию жизни на его ладони — тук, тук... ритмичные толчки, полные отчаянной жажды жизни.

«Спасите... спасите меня...»

В темных зрачках Лян Чэна что-то промелькнуло: в каком-то полузабытьи ему послышался этот безмолвный крик о помощи.

Он разжал пальцы.

Цяо Юаньлинь бессильно растянулся на кровати, жадно глотая воздух, а затем перекатился к изголовью и, не успев прийти в себя от ужаса, сжался в комок.

Внезапно Лян Чэн глухо произнес:

— Завтра я съеду.

Охваченный небывалой усталостью, Лян Чэн погасил лампу и, не раздеваясь, лег и мгновенно провалился в глубокий сон.

Среди ночи снова пошел дождь. Черные тучи, словно перепутанные волокна сладости «драконья борода», липли к небу, и ветер никак не мог их разогнать. Из-за этого утро наступило позже обычного.

Лян Чэн пропустил полив цветов. Закончив умываться, он просто выбросил полотенце и зубную щетку, а простыни и наволочки свернул и тоже запихал в мусорное ведро.

Он собрал одежду и книги — всего за десять минут все поместилось в один большой рюкзак. На самом деле он всегда был готов сняться с места в любой момент.

И все же время от времени в нем просыпалась легкая тоска по стабильности.

Отперев ключом ящик стола, Лян Чэн достал несколько документов и спрятал их во внутреннее отделение рюкзака. Он закрыл за собой дверь и спустился по лестнице. Дверь в комнату напротив была плотно заперта.

В прихожей стояла Ван Жуйчжи, сжимая в руке увесистый конверт. Увидев спускающегося Лян Чэна, она протянула его ему.

Внутри были деньги за аренду за два месяца и залог. Лян Чэн вытащил залог, а оставшиеся купюры положил на тумбу для обуви.

Ван Жуйчжи сказала:

— Сяо Лян, заberi. Мы договаривались на полгода, так что технически это я нарушила договор. К тому же ты постоянно помогал мне. Я возвращаю плату за эти два месяца.

Лян Чэн, обуваясь, коротко бросил:

— Не нужно.

Ван Жуйчжи продолжала:

— Выгонять тебя так внезапно совсем некрасиво. Чтобы найти новое жилье, требуется время. Возьми деньги, пригодятся на отель.

Лян Чэн снял шлем с крючка и спросил:

— Что-то еще?

Ван Жуйчжи поняла, что уговаривать его бесполезно — Лян Чэн был совсем не из тех, кто слушается чужих советов. Да и раз уж она сама выставляла его за дверь, лишние разговоры казались лицемерием.

Она спросила:

— Сяо Лян, какие у тебя планы?

Лян Чэн небрежно ответил:

— Домой поеду.

Ван Жуйчжи искренне понадеялась, что это правда:

— Как доберешься, дай знать, что все в порядке.

Коврик перед дверью выбросили после того, как Цяо Юаньлинь испачкал его кремом для обуви. Голый бетонный пол под ним был неровным, и после каждого дождя здесь собиралась небольшая лужица.

Когда Лян Чэн ушел, Ван Жуйчжи еще долго стояла у открытой двери. Муж давно умер, дети навещали редко. Ей было слишком одиноко в пустом доме, поэтому она и решила сдать комнату — совсем недорого, лишь бы слышать в доме чьи-то шаги на лестнице.

Два месяца назад она решила продать старую швейную машинку. За ней приехала супружеская пара старьевщиков. Пока жена торговалась с ней на улице, муж пошел в кладовую выносить машинку.

В этот момент в переулочек на мотоцикле влетел Лян Чэн. Он припарковался неподалеку, с любопытством наблюдая за происходящим. Когда сделка уже почти состоялась, он внезапно вмешался:

— Я дам на двадцать больше, продайте мне.

Ван Жуйчжи отмахнулась:

— Парень, не мешай. Зачем тебе швейная машинка?

— Я умею чинить. Отремонтирую, перепродам и подзаработаю на разнице, — ответил Лян Чэн, пристально глядя на старьевщика. — К тому же, забрать в придачу кусок натурального шелка — отличная сделка.

Лицо мужчины мгновенно перекосилось. Лян Чэн опустил взгляд:

— Натуральный шелку носят те, кто не занимается физическим трудом. С твоими шершавыми ладонями, приятель, ты бы сразу оставил затяжки.

Из-под полы куртки мужчины свисала тонкая шелковая нить — под одеждой он прятал отрез ткани, стянутый из кладовой. Выгнав нечестную парочку взащей, Ван Жуйчжи поблагодарила парня:

— Спасибо тебе, сынок. Выручил.

Лян Чэн ответил:

— Я не ради помощи это сделал.

Ван Жуйчжи удивилась:

— А ради чего же тогда?

Лян Чэн окинул взглядом аккуратный двухэтажный домик, достал из кармана сорванное с фонарного столба объявление о сдаче жилья и сказал:

— Какая комната выходит на солнечную сторону? Я сниму ее.

Яркий утренний свет заливал спальню. Цяо Юаньлинь сидел на кровати, прислонившись к изголовью, и безучастно смотрел перед собой. Он проснулся давно и слышал, как Лян Чэн ходил туда-сюда по коридору, как щелкал замок и как шаги стихали на лестнице.

Через несколько минут за окном взревел мотор, и Лян Чэн уехал на своем мотоцикле, покинув переулок Ваньпин.

Цяо Юаньлинь не чувствовал радости. словно гора с плеч свалилась, но вместо облегчения на душе было тоскливо и тяжело.

Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, отыскал среди груды лекарств серебристо-серую коробочку и провел пальцами по мягкому бархату. Зажав ее в ладонях, он снова впал в оцепенение.

Правильно ли он поступил?

Цяо Юаньлинь открыл коробочку, словно спрашивая ее содержимое, но ответа, конечно же, не получил.

Ванная комната и спальня были убраны идеально. Вещи Лян Чэна — те, что он не выбросил, — он забрал с собой, не оставив ни единого следа своего присутствия. Осмотревшись, Цяо Юаньлинь поймал себя на мысли: а жил ли здесь вообще кто-то? Не привиделось ли ему все это?

Он вышел на балкон и вгляделся в начало переулка. Лян Чэн ушел. Даже его тень давно растворилась вдали.